

10 января исполняется сто лет со дня рождения выдающегося русского советского писателя Алексея Николаевича Толстого.

А. Н. Толстой оставил богатое литературное наследство.

Художник широкого диапазона, он писал рассказы и исторические романы, пьесы и научную фантастику, острые публицистические памфлеты.

Особая роль принадлежит А. Н. Толстому в создании произведений большой эпической формы.

Исследователи его творчества справедливо отмечают подлинное новаторство писателя в области исторического жанра.

В произведениях А. Н. Толстого раскрылись неисчерпаемые богатства и красота русского языка.

Его книги завоевали всенародное признание.

Отмечая юбилей писателя — патриота и гуманиста, «Литературная Россия» уже печатала ряд материалов о его жизни и творчестве.

В этом номере газеты впервые публикуются фрагменты «Записных книжек» А. Н. Толстого времен Великой Отечественной войны и его ранние стихи, а также рецензия на новые книги литературоведа В. Петелина о жизни и творчестве А. Н. Толстого.

В ДНИ ВОЙНЫ

Из «Записных книжек» Алексея Толстого

В Отделе рукописей ИМЛИ имени А. М. Горького АН СССР хранятся «Записные книжки» А. Н. Толстого, датируемые по их содержанию 1941, 1942 и 1942—1943 годами. В разрозненных страничках 1941 года — заметки будущих статей и выступлений писателя. Материалы двух других связаны прежде всего с такими кульминационными моментами Великой Отечественной войны, как поражение немецких армий под Москвой и Сталинградом.

По самым свежим следам этих событий Толстой делает много беглых записей во время встреч и бесед с фронтовиками.

В пору зрелого творчества Толстой стремился осуществлять масштабные замыслы в лучших традициях классической русской эпикей. Но основой основ того «монументального реализма», который, по его мнению, соответствовал сущности нового революционного искусства, всегда оставалось для него непререкаемое уважение и реальному факту, и непосредственному свидетельству самой жизни.

Вот почему в своих «Записных книжках» тех огненных лет прославленный автор «Хощения по мукам» и «Петра Первого» предстает перед нами в качестве дотошного корреспондента, внимательного репортера-документалиста. Самым доскональным образом он фиксирует эпизоды, штрихи, настроения, характеризующие будни небывалой войны.

Еще и после Сталинграда много тяжелых боев и великих сражений выпало на долю наших солдат. И все же как заметно разнится сосредоточенно-суровый, максимально информативный (имена, цифры, утраты и трофеи), порой патетический стиль гвардейцев Белова, только что прорвавших вражеское кольцо окружения, от значительно более светлых по окраске, хотя не менее драматических по существу впечатлений бойцов Сталинграда! Одно-единственное подобие улыбки, но точас подмеченное как выражение народного самодовольствия, допущено в первом случае в миниатюре о суверенной старушке, предсказавшей «нашим» успех по исходу петушиного боя в ее курятнике. Этот эпизод с торжеством красного петуха над белым нетрудно узнать в начальной части толстовских «Расказах Ивана Сударева», опубликованных в августе 1942 года.

А. ТОЛСТОЙ, К. СИМОНОВ, И. УРЕНБУРГ в освобожденном Харькове, 1943 г.

По утверждению биографа писателя — Ю. А. Крестинского, с июля 1941-го по декабрь 1944 года Толстой выступал по радио и в печати около 70 раз. Это была работа, требовавшая огромной отдачи, непрерывного напряжения. Это была добровольная служба литературного бойца-снайпера, и армия ее оценила. В архиве Толстого есть копии документов, помеченных декабрем 1944 года: «Личное дело» почетного бойца и «Выписка из приказа 30 гвардейской стрелковой Краснознаменной Рижской дивизии» за подписью ее командира гвардии подполковника Фадейкина, и начальника штаба гвардии подполковника Колодяжного о зачислении писателя, депутата Верховного Совета СССР, действительного члена Академии наук СССР, шефа дивизии товарища Толстого Алексея Николаевича «почетным бойцом 1-й стрелковой роты, 1-го стрелкового батальона».

на 98 гвардейского стрелкового полка, с присвоением звания «Гвардия». В обращении к Толстому приветствии его новых боевых товарищей говорилось:

«...Мы безгранично рады, дорогой Алексей Николаевич, что творим вместе с Вами одно дело. Мы вооружены автоматами, винтовками, орудиями. Вы — большими знаниями и непоколебимой ненавистью к врагам... Ваши труды «Хлеб», «Хощение по мукам», «Петр Первый» являются любимыми книгами личного состава полка».

Гвардейский значок, приложенный к этим документам, стал одним из самых дорогих отличий, которых был удостоен Алексей Николаевич Толстой за свою неустанный вахту военных лет.

Г. ТРЕФИЛОВА

Противотанковая рота — 25 ружей — отразила 3 танковых атаки — 48 танков, подбила 17 танков. Немцы не прошли.

Политрук Рогозин (истребил 250 немцев) и красноармеец, обнявший его, был убит. И так их, обнявшихся, нашли и похоронили.

Цыган. Князев Аркадий Васильевич, полковник. Нужно прорвать Варшавку, в 200 метрах создал ком. состав и полит. состав, объяснил обстановку и задачу: — Я пойду впереди полка. Прорвал оборону и уже по ту сторону упал убитый. Плясун. Любимец, весельчак. Черные усы.

Верегитинцы. Верегитин, младший лейтенант. 40 бойцов, храбрецов. Больше 10 поездов под откос. Знаменитый разведчик. Погиб на Варшавке.

Старушка на завалинке, на солнышке, апрель. — Кто победит? — Красные. — Почему? — Два петуха разодрались, белый и красный.

1942—1943

...О русских солдатах. Как насочил один в разведке на 4 немцев и — сразу в позицию с винтовкой, одного штыком, другого прикладом, отбил нападение, защитись, и снова штыком и прикладом. «О чем ты думал?» «А ничего тогда не думал». У русских в крови владение штыком...

Сталинград. В окопах. В 25 метрах — немцы. Слышна команда: «Одной миной по русским окопам — огонь...» Потом: «Ну как?» Из наших окопов: «Хреново». Тогда немец: «Тремя минами по русским окопам огонь». «Ну как?» «Хреново...» «Пятью минами...» и т. д. «Хреново». В наших окопах: «Давай, собирай минометы... Сбегайте, попросите (у соседнего отделения)». Собрали 27 минометов. Команда: «Из всех минометов по германским окопам — огонь...» Потом: «Ну как?» Пауза... Стоны... Затем всерьез, без шуток — ругань: «Ах, так вашу так...» У нас — ложатся со смеху...

В обед над бутлером поднимается из немецкого окопа рука с котелком и ложкой: «Русь, давай обедать».

Немцы рвали минами наши плакаты. Наши думали, думали и нарисовали плакат: Гитлер, Геббельс, Геринг и подпись: «Немцы, изо всех видов оружия по вашим врагам — огонь». Немцы затихли, перестали стрелять. Полдня думали. Потом вывесили плакат: «Русь, сдавайся...» Наши начали обидно смеяться, называть их дураками — огонь». Немцы подползли и уволокли их плакат (привязали к нему веревку). Наутро выставили его с надписью: «Хрен — выкуси...» Тогда немцы из минометов изорвали оба плаката.

Рассказ Тихонова Н. о Ленинграде. (...) В Смольном изящные девушки, на прекрасном фарфоре кусочек хлеба в пол-ладони с тоненькой пленкой колбасы. Это все. (...)

Идет солдат. На дороге лежит воробей. Когда солдат подошел — воробей встал, опустив крылья, хотел даже скануть, глядел на солдата, чтобы напугать, зло, бойко — черными бусинками. А клюв у него весь был забит снегом. Солдату стало жалко воробья, — он понял, как мужественно из последних силенок он борется за свою жизнь. Положил за пазуху. По пути отдал старухе. Она заплакала. «Воробья пожалел, а что немцы с нашими детьми делали».

В Белоруссии. Девчонка-регулировщик. Поодаль полукругом — немцы. — «Почему их не ведешь?» — «Дожидаюсь, когда хоть сотни три наберется».

Публикация Галины ТРЕФИЛОВОЙ

* Ростов — «Неприступность Ленинграда, ужасающие, длящиеся скоро уже два месяца бои на подступах и Москве, упорство калининского участка фронта и, наконец, блестящая победа армии под Ростовом — вот те рубежи, на которых ломается стратегия германского генерального штаба». (Из статьи А. Толстого «Клянемся не осквернить святости нашей родины», декабрь 1941 г.)

** Варшавка — шоссе Москва—Варшава, хорошо охраняемый врагом рубеж обороны, важнейшая коммуникация немецких войск. При поддержке партизан Смоленщины через шоссе дважды с боями прорывались части корпуса генерала Белова: в конце морозного января 1942 года при углублении на оккупированную территорию и в мае—июне 1942 года для воссоединения с основными силами нашей армии.

1941

МЫ одни приняли удар сил, предназначенных для завоевания мира. На ноги поставлено все человечество. Все флоты, вся техника. Чтобы дать время мобилизоваться всему миру — Красная Армия выдерживала удары.

Повесть.

...— Скажи, пожалуйста, отчего столько подлецов? — От безнаказанности. Когда подлость будет рассматриваться как преступление против общества, тогда подлец начнет вымирать и жизнь очистится. — Когда же настанет это время? — Тогда, когда все ценности нашей жизни, малые и большие, будут сведены к одной ценности и за эту ценность каждый из нас пойдет отдавать свою жизнь.

Ростов*

Любопытно, прямо-таки интересно, какие перспективы войны развернет теперь Геббельс перед одуроченной Германией (обманули дурачка на четыре кулачка). Ум его изощренный и гибкий, но факты сдавили со всех сторон. Трудно придумать, куда податься, где найти лазейку для развертывания перспектив покорения мира... Трудно, очень трудно... третья часть нацистской оси вязла в безнадежное дело...

Варшавка**. Разведка в тыл. (...) Рожь. Ложбинка и кусты. Просидели там весь день. Все записали, что видели. Видят, офицер прямо идет к нам. (...) Один из наших, сержант, бросился сзади, за горло повалил. (...) Офицер подмял первого, другой из наших его штыком в ногу.

«Ну и мне пришлось наложить 11 подвод раненых».

Прорывали фронт лавиной — ура. (Перед этим 1 1/2 часа бой, ночью, на рассвете — ура). Шли по равнине и болотам. В деревнях истребляли немецкие гарнизоны. Немецкие самолеты преследовали. Хитрость: на опушке привязали калек-лошадей. Сами пошли дальше.

Когда бросились на ура: автоматчики побежали. Танкисты бросили танки. Моторы еще работали.

Когда начали отрывать первые танки, занесенные снегом с башнями, колхозники говорили: — Немцы над ними бились, бились, ничего не выходило.

Население. Было раньше запугано. Многие с болью в душе считали, что наше дело проиграно. Предателей было мало. Население любовное к Красной Армии. Все вплоть до детей начали раскапывать из-под снега и приносить оружие, в речках, подо льдом. Мальчуганы наблюдательны. «Вот здесь, дядька, руби лед, здесь пулеметы». Кормили, чем могли. Отдавало последнюю корову. «Ешьте, но немцев не пускайте». Все деньги до последней копейки отдали. На заем. Отправили деньги на самолетах.

Немцы держали вокруг партизанской территории 7 пехотных дивизий и 3 танковых. Их все время били.

К июню прошли бои на прорыв. Чтобы выйти, нужно было проломать 3 серьезных линии (идти по территории, занятой немцами, 150 километров). (...) Наши не признавали никаких преград, не признавали страх. Шли разъяренной лавиной.

Алексей
ТОЛСТОЙ

ЛИРИКА

Что-то шепчет тихонько ручей
В эту ночь, меж камней убегая.
И безмолвные тени ветвей,
Наклонившись, молчат, ожидая.

Неподвижные сосны стоят,
Простирая усталые руки.
А во мраке летят и летят
Серебристые мягкие звуки.

СОН

Стою на омете душистой соломы;
Сбегают к оврагу запущенный сад.
Поляны, аллеи давно мне знакомы;
Весеннее солнце. Я молод и рад.

Все тело воздушно, как нить паутины,
И руки, как крылья степного орла.
Прозрачный эфир застилает глубины,
Летит моя радость — в лазури стрела.

О миг замирающих томных волнений,
Бросаюсь с омета, лечу над травой...
Я ветер, я птица, я облак весенний,
Я радостно молод, как голубь лесной.

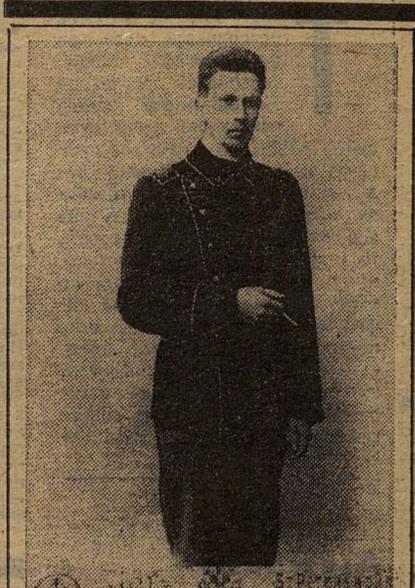
Легко пролетая над синей рекою,
На миг заглянувшись,
опрокинувшись в водах.
Колыхнется рожь золотой полосой,
Краснеют стада на поемных лугах.

Все ниже, все ниже,
мне страшно разбиться,
Я быстро бегу, припадая к земле.
Как жалко. Ужели мне все это снится,
Лежу я и плачу в росистой траве.

Алексей Николаевич Толстой отдал дань лирической поэзии. Он издал две книжки своих стихов — «Лирика» (1907) и «За синими ренами» (1911). Примерно столько же по объему осталось неопубликованного. Чем же привлекает лирика Толстого?

В потоке стихов безликих, подражательных мы находим строки, строфы и целые стихотворения, свидетельствующие о способности автора в попытках самовыражения оставаться самим собой. Лиризм этих стихов, как правило, сдержан или даже скрыт, изобразительный элемент в них явно преобладает, однако не отсюда ли берет начало столь привлекательная в зрелой прозе Толстого образно-пластическая предметность? Стихи непритязательные, но правдивые и искренние. Жизнелюбие, впечатления деревенского детства без всякой натури соединились в некоторых из них с мотивами устного народного творчества. Стремясь разобраться через фольклор, как позже снамет писатель, в первоосновах жизни, он очень хотел вернуть современному языку запах и цвет, сочную и терпкую образность. Нет сомнения, что такие стихотворения, как «Ключ», «Лесовичёнок», «Сон», и многие другие появились на свет только благодаря настроениям и воспоминаниям детства, они и воспринимаются словно аппликации из простодушного и светлого «Детства Никиты».

Предлагаемые вниманию читателей «Литературной России» стихи А. Н. Толстого нигде не публиковались.

А. Н. ТОЛСТОЙ. 1902—1903 гг.

ЛЕСОВИЧЁНОК

Желтые сосны в лазурь головой,
Клен растопырился красной листвою.

Ящерка, здравствуй, покажи язычок—
Тонкий, дауногий и черный глазок.

Ящерка к ящерке в норку ползет,
Ящерка ночью с подружкой живет.

Солнце, хоть ты бы палить перестало.
Душно и пьяно, невмочь, уходи.

КЛЮЧ

Мальчик, закинув лицо,
Скачет на рыжей кобыле,
Плещет на палке кольцо,
Поднято в облаке пыли.
Мальчик на праздник зовет,

Звякнули в избах оконца,
Девушка радостно вьет
Ванчик для праздника солнца,
Липовой трется корою,
Бреются парни косою...
Завтра, как поднятый рой,
Двинутся с первой росой.
Мальчик блеснул за горой,
В водах скользнув полосой...

Публикация Олега СМОЛЫ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Виктор Петелин. «Заволжье». Издательство «Современник», 1982. 400 стр. 95 коп. «Судьба художника». Издательство «Художественная литература», 1982. 552 стр. 1 руб. 30 коп.

В безбрежном небе русской и советской литературы имя Алексея Николаевича Толстого сияет в ряду звезд первой величины. Великий мастер, первоклассный работник, он дал столько, что поражаешься: как мог один человек в такое напряженное, вроде бы не для муз время — три революции, три войны, неприятные годы эмиграции, первые пятилетки и, наконец, последняя, самая жестокая и кровопролитная из войн, — как мог он в такие тревожные, неустойчивые порой для всего мира годы работать с беспримерной продуктивностью и создавать произведения огромной жизненной силы, энергии, неподдельно яркого, брызжущего оптимизма?

А он смог. Создал. Эпический широкое полотно «Хождение по мукам», монументальный «Петр Первый» — только этих двух произведений хватило бы для его бессмертия. А он работал во всех или почти во всех литературных жанрах.

Начинал как поэт и выпустил две книжки стихов. Как драматург он создал большое количество пьес, среди которых есть превосходные; такие, как «Заговор императрицы», драматическая диалогия об Иване Грозном...

Рассказы он писал на протяжении всей творческой жизни, и мы помним не только первый его сборник из заволжского цикла и последние рассказы о последней войне, но и такие блестящие произведения 20-х годов, как «Голубые города» и «Гадюка».

В детской литературе живут, не тускнея от времени, поэтическое «Детство Никиты» и талантливо, весело пересказанные приключения неунывающего деревянного человечка Буратино.

Довоенная киносценаристика была еще в стадии становления, но и здесь он внес свой вклад — его сценарий фильма «Петр Первый» получил заслуженное признание.

В научно-фантастической литературе живут прекрасные его

романы «Аэлита» и «Гиперлоид инженера Гарина».

А статьи и очерки этот художник по преимуществу, по «строчечной суги» писал все творческие годы и его публицистика так же талантлива, горяча, граждански активна.

Уже из этого далеко не полного перечня видно, какой это крупный и своеобразный писатель. И всякий серьезный разговор, всякое исследование его творчества начинается с удивления мощью художника, его высочайшим профессионализмом, его способностью работать с равным успехом во многих жанрах литературы.

С такого удивления началась и многолетняя работа критика и литературоведа В. Петелина, выпустившего в последние годы несколько книг о жизни, личности и творчестве А. Н. Толстого.

Первой здесь была книга «Алексей Толстой», вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей». Жанр этой серии биографий отработан, она давно пользуется успехом у читателей. Быстро разошлась и хорошая книга В. Петелина, в которой даны не только живой образ писателя, его биография и судьба, но и подробный обзор его творчества. Конечно же, книга была строго документирована, при литературном воспроизведении бесед использованы письма, дневниковые записи, воспоминания и другие биографические источники.

Но добрые отзывы о книге не удовлетворили автора. Как литературовед и критик он видел, что читателю еще много недодано, что жанр и рамки книги не позволили ему сделать достаточный литературоведческий анализ основных произведений писателя, остановиться на особенностях его творческой личности, что осталось много интереснейшего материала, без которого характеристика жизни писателя и его времени будет неполной.

И вот выходит «Судьба ху-

дожника», существенно дополняющая предыдущую книгу. Здесь критик пристальней вглядывается в гражданскую сторону личности А. Н. Толстого, исследует первый период его творчества, его работу фронтового корреспондента в годы первой мировой войны, его публицистику в годы революции и гражд-

ЛЮБОВЬЮ ПРОДИКТОВАННОЕ СЛОВО

данской войны. Не обойдены здесь и годы эмиграции, возвращение писателя на Родину, участие в строительстве новой России.

Автор соглашается с исследователями творчества А. Н. Толстого, что он прежде всего художник, что в нем, как в Чехове, менее всего чувствуется тенденция, но в то же время исследователь подчеркивает гражданскую активность писателя, его стремление определить свою общественную и литературную позицию, причем сделать это публично. Так было в первые годы его литературной деятельности (статья «О нации и литературе»), так было в 1917 году, самом «публицистическом» для Толстого, когда он напечатал десяток статей, так было и в самые трудные для него годы эмиграции. Он тяжело переживал разрыв с Родиной, не сразу понял необратимость социально-экономических процессов в России после победы Октябрьской

революции, но, когда понял, мужественно признал свои заблуждения.

И хотя последующее идейно-творческое развитие писателя не было гладким, он шел, что называется, с набором высоты, и тут можно только удивляться, с какой быстротой он вжился в сложную действительность новой России 20-х годов, и не просто вжился, но активно работал как художник.

Толстой в эти годы пишет необычайно плодотворно, с большим подъемом, хотя общая атмосфера жизни изменилась для него неузнаваемо. Недавний граф служил своим громадным талантом диктатуре неимущего класса, лишившего его всех привилегий, он служил диктатуре пролетариата, причем этот бывший граф обнаруживал самые тесные связи со своим народом, он был неподдельно демократичен, он жил интересами и задачами времени, принимая их как свои собственные, кровные.

И чтобы убедительней объяснить это, В. Петелин оставляет собственно литературоведческий метод исследования и обращается к прямому художественному моделированию действительности, к реалистическому воссозданию облика А. Н. Толстого в годы детства, отрочества и юности, воскрешает его личную и литературно-общественную жизнь в первый период творчества. Книга «Заволжье» — документальное, а точнее, документированное повествование о раннем Толстом, его истоках, о формировании его характера и личности, о семейно-бытовой и социальной обстановке, в которой проходило это формирование.

В «Заволжье» В. Петелина на основе разнообразных документальных источников воссоздана текучая, меняющаяся, многообразная действительность, окружавшая Толстого, тоже менявшегося в процессе роста и формирования, от его рождения до 1912 года, когда он вполне определился как художник.

Сельские просторы степного Заволжья, картины крестьянского труда, соседство бедности и богатства, драматическая любовь родителей писателя, в которой пострадавшим оказался его отец граф Н. А. Толстой, творческие радости и горести его матери-писательницы, метания отчима Бострома, заменившего ему отца, реальное училище в провинциальной Самаре, первые стихи и первая любовь, жизнь студента технологического института в Петербурге и все большее увлечение литературой... Без живых картин этой беспоконной жизни была бы непонятной крупная, сложная личность А. Н. Толстого — выдающегося русского художника-реалиста, жизнелюба, беспримерного труженика, серьезного исследователя жизни, подлинного патриота своей Родины, любовью к которой продиктовано его животворящее, вдохновенное слово.

И когда эта документированная повесть о рождении и формировании писателя была создана, когда его биограф и исследователь увидел своего героя, что называется, со всех сторон, со всех точек, тогда пришлось внести существенные коррективы в две предшествующие книги. В. Петелин строго сжал их в одну — в «Судьбу художника», взыскательно переизданную «Художественной литературой».

Сейчас, в дни столетия со дня рождения А. Н. Толстого, перечитывая книги о нем и его творчестве, видишь, какую большую работу выполнил В. Петелин. Очарованный жизнелюбивым талантом писателя, его яркой личностью, он около десяти лет шел по следам неустанной деятельности своего героя, и вела его тут прежде всего любовь. Этим чувством проникнуты его книги, это чувство сопутствовало ему в процессе многолетнего труда, оно же обеспечило успешное завершение сложной работы, благодаря которой наш читатель лучше, ближе узнает А. Н. Толстого.

Анатолий ЖУКОВ